

18+

Мурат Тюлеев

Тысячелистник

*Стихотворения
1993 года*

Мурат Тюлеев
Тысячелистник.
Стихотворения 1993 года

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977705
ISBN 9785447488611*

Аннотация

Стихотворения, написанные автором в 1993 году, вошли в сборник под названием «Тысячелистник». Это собрание рифмованных произведений, несколько наивных, романтических и отчасти экспериментальных. Из-за большого количества разрозненных тетрадных листов-черновиков, из которого было добыто содержимое сборника, книга и получила свое простое имя.

Содержание

Город	5
«По главной улице с гитарой...»	6
С рождественской открытки	7
Ноябрь	8
«Она мне нравится так просто...»	10
«Букет тончайших ароматов...»	12
«Меня напечатают в свежих листках...»	14
«Тебе приснились пуховик и норковая шапка...»	15
«Все тысячи стихов моих – тебе!»	16
«Был зрел, но переспел и не успел...»	17
«Ты мне говорила, что люди встречаются дважды...»	18
Март	19
«Небрежно вырван листок...»	20
«Выкрутасы зимы так бледны и не новы!»	22
В театре жизни	23
«Полуженщина, полуребенок...»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тысячелистник
Стихотворения 1993 года
Мурат Тюлеев

© Мурат Тюлеев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город

Я любил и боялся город,
я о нем сочинял поэмы.
Он мне хлопоты лил за ворот,
воровал из блокнота темы.

Он мне окнами строил глазки,
с ног сбивая очередями.
Предвкушеньем чудесной сказки
он мне спать не давал ночами.

Я же дал ему имя – Горе,
ожидал по утрам напастей.
Я сбежал, я не знал, что город
был моим мимолетным счастьем.

«По главной улице с гитарой...»

По главной улице с гитарой
наперевес, пою, пляшу,
даю концерт совсем задаром,
но с виду странным выхожу.

А ведь бывали годы, лета,
когда-то в древние века,
когда нормальным было это —
быть сумасшедшим хоть слегка.

С рождественской открытки

Я был разносчиком газет
в провинциальном Сент-Луисе.
В моем кармане пачка писем
и мелочь звонкая монет.

Спокойно жизнь моя текла
в провинциальном Сент-Луисе,
пока к хорошенькой Алисе
открытка как-то не пришла.

А улицы всегда пусты
в провинциальном Сент-Луисе
и вдруг одна из сотен тысяч
меня поцеловала ты.

Благословенна, Элис, будь
в провинциальном Сент-Луисе.
Разносчика газет и писем
до Рождества не позабудь.

Ноябрь

Мужчина, вяжущий на спицах,
ноябрь, ты мне таким приснился.
Мне стоило бы удивиться,
проснувшись, за окно взглянув,
как мир неожиданно изменился,
а я лишь потянусь, зевнув.

Как утверждает исхудавший,
видавший виды календарь,
снег словно в обморок упавший,
растает, землю обнажив.
Была-была примета встарь,
а снег хоть слабоват, но жив.

Из труб дым строго вертикален.
Прохожий пьян и страшно счастлив.
Десятки лиц из сонных спален
глядят на это торжество.
И тоже счастливы отчасти,
не понимая отчего.

Оденусь так, что будет жарко
идти по стынущей аллее.
Я от зимы не жду подарка —

она меня не пощадит.

Мне не становится теплее,
когда мне кто-то вслед глядит.

«Она мне нравится так просто...»

Она мне нравится так просто,
без всяких видимых причин.
Не из-за маленького роста
и не за волос, что так длин.
Она мне нравится так просто.

И я не строю разных планов
насчет любви и дружбы, нет.
Мне самому порою странно,
что я веду себя как шкет,
не строю замыслов и планов.

Наверно, знаю исподволь,
что не моя она невеста,
и принесет лишь только боль
сердечный спазм, имей он место,
ведь я не принц и не король.

Надеюсь, хватит сил для тоста
на свадьбе, где я буду гость,
надеюсь, что в меня как в гостя
не бросят родственники кость,
когда скажу я после тоста:

Она мне нравилась так просто,
без всяких видимых причин.
Не из-за маленького роста
и не за волос, что так длин.
Она мне нравилась так просто.

«Букет тончайших ароматов...»

Букет тончайших ароматов
и васильков, и чайных роз,
весь пропитавшись, я бесплатно
к себе в провинцию увез.

С усмешкою припомнил дома,
как, тайно посетив бордель,
я Нины Риччи три флакона
плеснул любовнице в постель.

И, замерзая в ожидании,
когда мне транспорт подадут,
я погружал свое дыханье
в шарфом украденный уют.

Как чудно пахла вся одежда,
когда, добравшись кое-как,
кроватью и окошком между
я пил оставшийся коньяк.

Потом, как продолженье снились
мне чьи-то светлые глаза,
всю ночь видения носились
и мир вращался как юла.

И кто-то, приподняв с кроватью
меня по комнате носил...

Но все кончается... К несчастью,
я утром трезв и болен был.

«Меня напечатают в свежих листках...»

Меня напечатают в свежих листках
и в списке бестселлеров я потесню
программу на завтра и секс-альманах,
и вас непременно в себя я влюблю.

Ваш город для славы моей слишком мал,
но я не уеду, я слез не хочу.

Припомните, как я себе предвещал
и деньги, и славу. Мне всё по плечу!

Но в вырванном с мясом признаньи в любви
не вижу я прелести – пошлость и страх!
На куклу похожей вдруг сделались вы...
И это у вас я валялся в ногах?!

«Тебе приснились пуховик и норковая шапка...»

Тебе приснились пуховик и норковая шапка,
а мне приснился «стратокастер» и ревуший зал.
Тебе твой сон осуществить поможет щедрый папка,
а я до самого утра примочку «фузз» паял.

Твой пуховик облезет весь, а шапку сдернут лохи,
а я куплю магнитофон и запишу альбом.
Потом в твоём пуховике вдруг заведутся блохи,
а я, три сейшна отыграв, забудусь мертвым сном.

В твоей обманке щеголяет бикса с мехколонны,
а пуховик свезли на свалку Узкой Колеи.
Мне в студии за новый хит отвалят миллионы,
а ты в «аляске» старой едешь на дискотеку в ЖБИ.

Потом тебе приснится парень с фирменной гитарой
и, как назло, им окажусь не кто иной, а я...
Ну, а пока ты где-то ходишь в своей «аляске» старой...
Во сне ты видишь пуховик, а вовсе не меня.

«Все тысячи стихов моих – тебе!»

Все тысячи стихов моих – тебе!
Все те, что написал до нашей встречи,
все те, что напишу в разлуке вечной,
старая в одиночества тоске.

Все сны мои земные – о тебе!
Все те, что видел об иных и прочих,
все те, что в черной грусти напророчу,
отчаявшись в проигранной борьбе.

Все слезы и стенанья – по тебе!
Пусть даже ты жива и правишь где-то,
все тайны нашей близости отпеты
и крест поставлен на моей судьбе...

«Был зрел, но переспел и не успел...»

Был зрел, но переспел и не успел,
оставшись не у дел, ощипан сплетней,
как перепел средь прочих птичьих тел,
трофеей охоты летней.

Ну, что ж. Судьбы я нож не ставил в грош,
был сам хорош, хорошим быть казался,
ни с чем остался, ни на что не гош,
нелепо так попался.

В невзгоды сеть! Хрипеть в ней, а не петь,
под плеть сомнений спину и затылок.
Желанье первым быть уже остыло,
оркестров стихла медь.

Теперь щетинься, зверь, и счет потерь
веди, и мерь семь раз, и режь с опаской,
иначе снова в твоём доме дверь
измажут черной краской.

«Ты мне говорила, что люди встречаются дважды...»

Ты мне говорила, что люди встречаются дважды,
и новая встреча в грядущем обещана нам.
Но мы не расстались, а просто погибли от жажды,
и прах наш развеян по всем четырем сторонам.

Я горечь несказанных слов ежедневно глотаю,
тринадцатым днем декабря я живу, видит Бог!
Ты помнишь тот день? Я о нем прошепчу, улетая
в страну непрерывного сна, ты услышишь мой вздох...

И ты поспешишь вслед за мною, твердя как молитву
слова моих песен, подобных приснившимся снам.
И там, где, тебя пропуская, разверзнутся плиты,
и будет та встреча, что Богом обещана нам...

Март

Март – кофе растворимый, боже правый!
Суд солнца сотворит свою расправу
без следствия над теми, кто влюблен.

Не под топор, так даст своей отравы,
и зло шепча: «О времена, о нравы!»,
сердца обварит звездным кипятком.

Мой разум червоточиной пронизан,
и каждый орган на шампур нанизан,
я над любовным трепещу огнем!

Ведь завтра новый день и снова взгляды...
О, дай отведать поцелуя яду
и всей душою раствориться в нем!

«Небрежно вырван листок...»

Небрежно вырван листок.
Записан жизни итог:
любовь душила, как смог,
но я спасался, как мог.
Бежал я прочь со всех ног,
к молитвам глух был мой бог,
так значит это мой рок,
я обреченный игрок.

По истечении дня
уходит солнце, маня,
загробной жизнью дразня.
Валюсь я в кресло, звоня.
Друзьям уж не до меня!
Нет ни шнура, ни ремня,
Стенаю, сердце кляня,
его за слабость вина.

Когда сбывались мечты
и деньги были и ты,
хотел другой высоты,
но снились ночью кресты.
Сел как аскет на посты,
но разболтались винты,

вен повставали мосты,
лег ход болезни в листы.

Господь, ответь, что со мной?
Ждет исцеленья больной!
Но мне так мало одной,
наживы жжет меня зной.
Но боль сильнее весной,
мой бред оттянут луной.
Где тот юнец заводной,
что был недавно лишь мной?

«Выкрутасы зимы так бледны и не новы!»

Выкрутасы зимы так бледны и не новы!
Для подобных интриг уже нету основы.
За углом притаилась девчонка-весна,
в ней нахальства и хитрости – будьте здоровы!

Те одежды, что раньше так душу нам грели,
если мягко сказать, нам уже надоели.
Наши шубы в шкафу дожидается моль,
зубы чьи в предвкушеньи наживы скрипели,
когда в окна последние рвались метели,
а над крышами тихо всходила луна.

Жребий брошен, и снегу неделя дана,
чтобы тихо растаяв, убраться ручьями.
Чем он станет потом, это все между нами...
Поговорка о новом и старом верна...

В театре жизни

Меня не покидает ощущение,
что я в театре жизни не актер,
а только зритель, чье мировоззренье
похоже на пятнистый мухомор.

На красном фоне зла белеют пятна
доселе неразгаданных проблем,
и как мне быть всезнающим приятно,
не видя смысла в жизни между тем.

Пускай в ней смысла нет, как такового,
но должен быть единственный закон,
что справедлив для смертного любого,
какого б положенья ни был он.

Но нищие умом живут в хоробах,
заткнув за пояс даже королей,
в театре жизни на себя нескромно
взвалив распределение ролей.

И мне бы не хотелось на подмостках
кривлять шута. Я лучше в зал сойду
и, оборвав костюм в дурацких блестках,
займу свой стул в шестнадцатом ряду.

«Полуженщина, полуребенок...»

Полуженщина, полуребенок,
где ты, щедрая на похвалы?
В лабиринте линиялых пеленок
руки те, что так были белы,

то ли в трещинках, то ли в мозолях...
Слышишь музыку медных тазов?
Это дразнит нас юная воля
и тоска неразгаданных снов!

Я зову тебя, не потеряйся
в черной туче семейных проблем.
Прежним именем не называйся,
если ныне довольна ты всем.

Твой малыш – закадычный приятель
погремушек и полных горшков,
неожиданный завоеватель
твоих дней сумасшедших и снов,

то, что мне не случилось увидеть
и, увы, на себе испытать,
он завлек без усилий в обитель
ползунков и плывущих утят.

И подстать этим милым последним,
его пухлые губки важны,
когда ты, позабыв снять передник,
прикорнув за столом, видишь сны.

В них не я, в этих снах с продолженьем,
а коляска – мечтаний предел.
Дело к лету, и ты копишь деньги,
позабыв ювелирный отдел.

А тетрадку с моими стихами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.